

лагательныхъ въ среднемъ родѣ въ смыслѣ отвлеченныхъ существительныхъ: «печальное вздыхало», «эоирное памъ вѣсть», «невидимое дышишь», «зримо стало незримое», и т. под. И. Розановъ подмѣтилъ еще, что Жуковскій любилъ глаголь «шепташь». Не только самъ онъ слышитъ, какъ кто-то «шепнулъ дупѣ привѣсть бывалый», но и Кассандра вперяетъ взоръ, «внявъ шепнувшимъ ей богамъ». Этотъ послѣдній стихъ даетъ поводъ И. Розанову для остроумнаго сопоставленія. «Отъ громкой лирики,—пишетъ онъ,—особенно оглушительной у Боброва, у котораго «бѣгутъ вѣковы колеса съ шумомъ», поэзія спустилась до интимнаго шопота, и даже боги шеперь зашептали.»

Любопытныя замѣчанія разсѣяны въ книгѣ И. Розанова и относительно римоу нашихъ поэтовъ, и относительно словесной инструментарности ихъ стиховъ.

Мы должны повторить, что, къ сожалѣнію, всѣ эти наблюденія не систематизированы. Поэтому и мы лишены возможности сдѣлать общую ихъ характеристику: пришлось бы просто выписывать отдѣльные примѣры, приводимые авторомъ. Но самый фактъ, что И. Розановъ обратилъ вниманіе на эпическую сторону дѣла, подвергъ серьезному анализу форму стиховъ и сопоставилъ поэтическую технику отдѣльныхъ поэтовъ,—очень цѣненъ. Этимъ работа И. Розанова рѣшительно выдѣляется изъ числа другихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, которыя, по большей части, не даютъ намъ ничего, кромѣ данныхъ біографическихъ и историческихъ, что можно было бы назвать научными фактами. Такъ называемыя характеристики поэтовъ, которыми заполнены наши исторіи литературы, мы никакъ не можемъ признавать научными, хотя они и могутъ быть весьма интересны: такъ не образуютъ исторіи рядъ характеристикъ историческихъ дѣятелей.

Валерій Брюсовъ.

ПОЭЗІЯ И ПРОЗА.

Размышленія по поводу.

Въ поэзіи слово—все; въ прозѣ (художественной) слово—только средство. Поэзія творитъ изъ словъ, создающихъ образы и выражающихъ мысли; проза (художественная)—изъ образовъ и мыслей, выраженныхъ словами. Если авторъ достигаетъ своей цѣли, подчинивъ себѣ стихію слова, его созданія—поэзія, хотя бы они и были написаны—прозой п.-е. не стихами (таковы инныя «сказки» Эдгара По, многія «поэмы въ прозѣ» Бодлера и т. под.). Если конечная цѣль автора достигнута силою образовъ, энергіей выраженій, ясностью и точностью мысли, его созданія—проза, хотя бы они и были написаны стихами, разбренными строчками съ римами или безъ оныхъ (примѣръ: весьма многія стихотворенія, часто вовсе не «плохія»). Оживленное слово—вопъ результатъ творчества поэта; оживитъ слово—вопъ его задача.

Выраженія «поэзія» и «проза» отъ долгаго употребленія утратили опредѣленность своихъ очертаній, п.-е. не покрываютъ вполне опредѣленныхъ понятій. Въ смыслѣ широко, «поэзія»—всѣ созданія искусства, выраженыя словомъ. Тогда и романъ, напр., «Война

и миръ», также—поэзія. Въ болѣе узкомъ (и болѣе подлинномъ) смыслѣ, «поэзія»—особый родъ словеснаго искусства, противопоставляемый «художественной прозѣ». Романъ—не «поэзія» (въ этомъ смыслѣ), но «художественная проза». Такъ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», написанномъ прекрасными стихами, не мало мѣстъ, которыя, по справедливости, должно отнести не къ «поэзіи», а къ «художественной прозѣ», и Пушкинъ очень тонко назвалъ свое созданіе не «поэмой», а «романомъ». Замѣтимъ еще, что дѣленіе на «поэзію» и «художественную прозу» не имѣетъ ничего общаго съ дѣленіемъ на «лирику» и «не лирику». Лирика истинная—всегда поэзія, но поэзія—не всегда лирика.

Не помню, кто сравнилъ «стихотворенія въ прозѣ» съ гермафродитомъ. Во всякомъ случаѣ, это—одна изъ несноснѣйшихъ формъ литературы. Большею частію—это проза которой придана нѣкоторая ритмичность, т.-е. которая окрашена чисто внѣшнимъ приемомъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду не принципы, а существующіе образцы. Подлинныя «стихотворенія въ прозѣ» (такія, какими они должны бы были) есть у Эдгара По, у Бодлера (см. выше), у Маллармэ,—не знаю, у кого еще. «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева—совершенная проза. Называть ихъ невѣрнымъ именемъ «стихотвореній» даетъ поводъ лишь ихъ малый объемъ (кстати напомнить, что такое названіе дано имъ не Тургеневымъ). По большей части—проза и «поэмы» или «баллады» современнаго короля французскихъ поэтовъ, Поля Фора.

Существуютъ «поэтическія идеи», какъ существуютъ «музыкальныя мысли». Эти «поэтическія идеи», выразить которыя возможно только сочетаніемъ словъ и звуковъ (дающемъ особую, исключительную интенсивность образамъ и мыслямъ), и составляютъ истинное содержаніе поэтическаго произведенія. То, что называютъ «чувствомъ» («настроеніемъ») въ стихотвореніи, и то, что называютъ «мыслью» («идеей») въ стихотвореніи, имѣетъ только вспомогательное значеніе, объединяя образы, слова и звуки. Такъ въ картинѣ, т.-е. въ созданіи живописи, истинное ея содержаніе, опредѣляющее ея художественную цѣнность, составляютъ сочетаніе формъ, красокъ, линий. «Сюжетъ» картины только помогаетъ (иногда) воспринять ея чисто-художественныя данныя, сводитъ ихъ къ единству. Такую же роль въ музыкальномъ произведеніи можетъ играть «программа».

Творчество истиннаго поэта идетъ отъ словъ къ образамъ и мыслямъ, т.-е., по обычной терминологіи (неправильной) отъ формы къ содержанію. Ложное творчество пытается облечь въ словесную форму уже данное содержаніе. Поэтъ, знающій заранее, что онъ напишетъ, никогда не можетъ создать истинно поэтическаго произведенія. Въ истинномъ творествѣ «содержаніе» (опять таки въ общепринятомъ смыслѣ слова) всегда—искомое, выясняющееся въ самомъ процессѣ творчества. Врядъ ли возможно къ данному содержанію подобрать вполне адекватную поэтическую форму; вотъ почему всѣ «стихотворенія на тему» спрдаются несоотвѣтствіемъ формы и содержанія (примѣръ: вся «поэзія» Надсона). Напротивъ того, содержаніе, рождающееся изъ словесныхъ сочетаній, по существу дѣла, всегда облечено въ единственную возможную для него форму.

Только—что мы употребляли выражения «содержаніе» и «форма» въ общепринятомъ смыслѣ. Правильнѣе было бы, говоря о созданіяхъ поэзіи, переставитъ значеніе этихъ словъ. То, что обычно называется формой въ поэзіи есть, въ сущности, ея «содержаніе», а то, что называется содержаніемъ (сюжетъ, мысли, образы)—только «форма». Если бы поэзія только выражала мысли, только передавала чувства, только рисовала картины,—она была бы не нужна: достаточно было бы для этого прозы научной и прозы художественной. Въ наши дни уже не перекладываютъ въ стихи арифметику; почему же многіе еще пытаются облечь въ поэтическую форму то, что прекрасно можетъ быть выражено въ иной формѣ?

Валерій Брюсовъ.